

ЕЛЕНА ПУХЛЯКОВА

НЕЙТРАЛЬНОЕ СЛОВО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Если слово, обозначающее предмет, имеет лишь номинативную функцию, то являясь нейтральным наименованием данного предмета, оно не содержит в себе эмоционального элемента. Такое слово, однако, может быть использовано в качестве средства выражения положительной или отрицательной оценки, так как „общеупотребительные слова в их номинативных значениях (то есть в исходных значениях) стилистически нейтральны, производные же от них значения в стилистическом отношении весьма универсальны“.¹ Тогда оно имеет двойное значение: прямое, когда слово (существительное, прилагательное, глагол или другая часть речи) только называет предмет, определяет его свойство, выражает действие или состояние, и — переносное, когда сам предмет как таковой, свойство или действие с ним связанное, становятся средством для внешнего описания или внутренней характеристики человека. Таким образом слово — название конкретного предмета превращается в слово — метафору (олицетворение) для выражения того или иного отношения говорящего к характеризруемому лицу. Употребляясь в качестве метафоры слово как бы раздвигает рамки своей семантики, а создание метафор „представляет один из путей развития значений слова и обогащения словарного состава“.² В таком случае слово сразу же утрачивает свою нейтральность и приобретает резко выраженную эмоциональную окраску, причем отличительные свойства предмета, нейтральные по существу, имеют уже положительный или отрицательный характер, если они относятся к человеку. Ср. например: железная гиря и железная т. е. сильная воля, или стеклянный шкаф и стеклянный т. е. невыразительный взгляд.

В некоторых случаях понятие о предмете объединяет целый ряд слов, связанных с ним общностью основного признака. Так, понятие выражаемое словом „дерево“ группирует вокруг себя слова, как производные от того же корня (деревяшка, деревянный, одеревенелый), так и от других основ, но эти слова объединяются по общей принадлежности к однородной категории предметов (бревно, пень, чурбан и некоторые другие). Понятие „дерево“ объединяющее эти слова является нейтральным в обоих прямых значениях (strom, dřevo) — в своей назывательной функции. Вышеприведенные слова также остаются нейтральными, но лишь в прямом значении, а в переносном — могут быть использованы в качестве тропов, причем они выражают отрицательную оценку. Следовательно, можно сказать, что здесь речь идет о „характере словоупотребления“,³ о буквальном, прямом или переносном смысле слова. Стилистически употребление таких слов ограничено разговорной речью и просторечием.

Так название дерева „дуб“ нейтрально в качестве ботанического термина. Употребляясь в переносном смысле применительно к людям, слово обозначает тупого и глупого человека; для усиления отрицательного впечатления возможен и тавтологический повтор, как, например, в устойчивом выражении „стоять дуб-дубом“. То же самое значение имеют и производные: дубина, дубовый (в выражении „дубовая голова“). Ср. например:

„Такая дубина! Ну, уж если он не понимает обыкновенных намеков, то придется пустить в ход более грубые приемы“. (А. П. Чехов, Гость)

Во всех таких случаях, слова утрачивают нейтральное значение, которое они имели в предложениях типа: „Там росли дубы“ или „За домом была дубовая роща“ (прямое значение в зависимости от контекста, может иметь иногда и положительный оттенок: дубовый стол = прочный, крепкий — но он не является основным). От названия дерева „дуб“ образован глагол „дубасить“ — сильно бить, ударять, стучать (*bušiti, mlátiti*) носящий просторечный отпечаток, обусловленный той грубостью, с которой производится действие.

Другое название дерева — „липа“ приводится в словарях как омоним, хотя здесь можно было бы видеть скорее полисемию: липа 1. дерево, 2. подложный, фальшивый документ. Семантика слова во втором значении выражает пренебрежительное, осуждающее отношение говорящего к объекту, называемому этим словом. Многозначность слова — названия дерева — можно усматривать в том, что из липы с давних времен на Руси изготовлялись всевозможные изделия и поделки, в том числе и примитивные протезы — деревянные ноги. Так, например, в русском фольклоре часто встречаются упоминания о такой ноге:

„Медведь ревел, ревел, надумался и сделал себе липовую лапу... Скрипи нога, Скрипи липовая“ (А. Н. Афанасьев Народные русские сказки т. 1 № 57).

Следовательно, липовая нога, лапа, короче говоря, „липа“ = не настоящая, поддельная — могло привести к перенесению названия „липа“ и на все другое поддельное, не настоящее. Производное прилагательное „липовый“, имеющее нейтральное значение при определении конкретного предмета (липовый мед), в переносном значении становится отрицательным определением (липовые документы).

Посредством слов от других корней, объединенных понятием „дерево“, например: дубина, жердь, орясина, колода — обрисовывается как непривлекательная внешность человека (первые три слова — о долговязом человеке, последнее — о неповоротливом толстяке), так (кроме существительного „жердь“) и его очень ограниченные уместные способности: глупый, бесполовый, тупой.

Другие слова как бревно, пень, чурбан; деревяшка, деревянный, одеревенелый — служат средством для внутренней характеристики человека, но выявляют его отрицательные черты с большей выразительностью, чем синонимичные прилагательные: глупый, бесчувственный, нечуткий, невыразительный, равнодушный и т. п. Именно в таком значении, и с такой целью, эти слова используются в художественной литературе, благодаря чему повышается экспрессивность эмоциональной оценки. Например:

„Петрушка бревно, Петрушка глуп“ (Гоголь, Мертвые души).

„И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч,

выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства“ (там же). „Деревянный человек, сами знаете, чувств не имеет; значит, что же может его тревожить в жизни?“ (А. Н. Островский, Старый друг лучше новых двух).

Для усиления отрицательного впечатления автор иногда ставит рядом два таких слова:

„Как порядочный человек решил жениться, последовал благоразумию и вдруг — просто сдуру, белены объелся, деревянный чурбан“ (Гоголь, Женитьба).

Образованные от существительных „лубок“ (картинка на древесной коре) и „короб“ (коробка из тонких пластов древесины), прилагательное „лубочный“ и глагол „коробиться“ приобретают в переносном смысле значение качественной оценки: „лубочный“ = аляповатый, вульгарный, дешевый; „коробить“⁴ = производить неприятное впечатление:

„Вы тем самым сознаетесь в вашей лжи . . . Вас это слово, я вижу, коробит“ (Тургенев, Нахлебник).

Некоторые слова этой группы в настоящее время уже почти не употребляются самостоятельно в прямом значении, и известны лишь по фразеологическим словосочетаниям компонентами которых они являются. В таких случаях эти слова также выражают неодобрительную оценку действий называемых в данных словосочетаниях, которые употребляются уже в переносном значении, несмотря на то, что в буквальном смысле, ни само действие, ни его объект, не заключают в себе ничего предосудительного. Так, например, легкость изготовления некоторых деревянных изделий приводила к тому, что во время такой работы можно было разговаривать, часто ее прерывать. Поэтому занятия, связанные с изготовлением такого рода поделок из дерева, приобретают переносное значение, становятся выражениями, синонимичными к празднословить, ничего не делать и т. п. Отождествление действия, полезного само по себе, с отрицательным явлением его сопровождавшим, привело к образованию фразеологизма, семантика которого вытеснила значение первоначального действия, понимаемого в буквальном смысле. Например:

„Бить баклуши“ — *dělati dřevěné špalíčky a — flákati*

„А дома, что делать! Баклуши бить“ (А. Н. Островский, На бойком месте), или:

„Баляндрасы=балянтрасы=балясы=лясы=балы точить — *soustruhovatí sloupky do zábradlí a — tlachati*

„Полно балы точить, пора голенища строчить“ — поговорка (Словарь Даля).

В чешском языке также можно отметить аналогичное употребление слов *dřevo, pařez, poleno; dřevěný, prkenný*.⁵

Таким образом слова обозначающие предметы, объединенные понятием „дерево“, при замене прямого значения, значением переносным — могут быть использованы для характеристики лица, и выражают отрицательную оценку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. И. Ефимов, *Стилистика художественной речи*, стр. 89, изд. МГУ 1957.
2. А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, стр. 125, изд. 2, М. 1958.
3. А. В. Федоров, *Введение в теорию перевода*, стр. 298, М. 1958.
4. Впрочем этот глагол и в прямом смысле обозначает нежелательный процесс: становится неровным, скручиваться под действием жара, сырости и т. п.
5. Значения чешских слов даются по: *Velký Rusko-Český slovník*, Praha 1952—62; *Slovník spisovného jazyka českého*, Praha 1960. русских слов по: В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, М. 1862 (1955); *Толковый словарь русского языка*, под ред. Б. М. Волина и Д. Н. Ушакова, М. 1935—1940; *Словарь русского языка*, АН СССР, Институт русского языка, 1956—1961.

**NEUTRÁLNÍ SLOVA JAKO PROSTŘEDEK VYJÁDŘENÍ
EMOCIONÁLNÍHO HODNOCENÍ**

Autorka článku se snaží ukázat, jak některá neutrální slova, tj. slova, která mají jen nominativní funkci, mohou se stát prostředkem emocionálního hodnocení. Na základě příkladů vybraných z krásné literatury se v článku ukazuje na některá neutrální slova, seskupená kolem jednoho pojmu, která se stala prostředkem vnitřní a vnější charakteristiky člověka.